

Алла

ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ —

Григорий КУЗЬМИН

«Фабрика звезд» («Первый канал») под руководством Примадонны работает уже почти три месяца. И все это время Алла Борисовна практически живет в «звездном доме». Здесь и встретились с ней «Антенна».

— Алла Борисовна, скажите, вы часто хвалите своих подопечных?

— Почти не хвалю. Знаете, когда вижу, что мать сильно хвалит своего ребенка, начинаю беспокоиться за это дитя. Ведь неслучайно раньше, особенно в деревнях, детей старались вообще не хвалить, чтобы выросли они богатыми и здоровыми.

Когда была маленькой и к нам приходили гости, я пела, играла на пианино. Все умилялись: «Какая у вас доченька! И талантливая, и красивая!» А мой папа говорил: «Кто?! Она? Да это же ни с чем тирог!» В смысле пустой. Я плакала, переживала. Но, когда подросла, папа мне объяснил, что он специально это говорил, чтобы меня не сглазили. И вот видишь, помогло!

А ведь самое удивительное — я никогда не хотела быть известной артисткой. Другие просто мечтают об этом, но звездами почему-то не становятся! Моя мама часто говорила: «Наверное, мы что-то сделали неправильно. Наверное, Женя (это брат мой родной) должен был стать артистом, а ты — военной. Ты уж точно дослужилась бы до генеральши! Сейчас была бы генерал-майором! У тебя командовать получается!»

— Так вы с детства привыкли командовать?

— Вынуждена была командовать. Сестер у меня нет, а все братья (и родной, и двоюродные) младше меня. Они меня звали фельдфебелем. Их во дворе почему-то все время забивали... Волей-неволей приходилось за них заступаться, делать страшное лицо, кричать грозные слова... Обидчики пугались и в ужасе убегали. Но, честно говоря, я и сама боялась. Вот сцены тоже боюсь, но выхожу на нее. Видно, у меня такая злоба в глазу, что все думают: лучше с ней не связываться. А я, когда выхожу на сцену, так видно, хочу, чтобы все быстрее закончилось, что народ даже хлопать сильнее начинает! Ну а если серьезно, это, видимо, качество такое характера,

■ Алла в детстве. С братом Женей

что необходима постоянная ломка себя, преодоление, что ли...

— А ребят вы учите бояться сцены?

— Да. Я тут недавно на них наорала (рядом с нами сидят Миша, Руслан, Наташа. — Прим. «Антенны»). Говорю: «*Два с половиной месяца я вас учу: надо вашу зарплату! Это любовь зрителей! Это все! А вы на сцене только на каблуках работаете, про последний ряд в зале забываете. Думайте про зрителя в последнем ряду!*» Они вроде все запомнили, а как на сцену вышли — снова забыли. Это же надо не только выучить, но еще и почувствовать, что твой голос, твоя энергия летят на последний ряд! А когда спускаешься по лестнице — то на первый ряд. Мне важно, чтобы они запомнили. Поэтому и ору. Они же привыкли, что я с ними все время сюсюкаю. А тут я на них: «АА...АА...АААА...» (Пугачева издает страшные низкие звуки.) Думаю: ну, может, хоть так запомнят.

Воспитываю певцов трех типов

— Не жалеете, что в вашей жизни не было такой «Фабрики звезд»?

— Да у меня вся жизнь — сплошная «Фабрика». А у них век более короткий, чем мой. Если я уже 30 лет пою, то дай им бог хотя бы три года быть популярными. Почему три? Первый год ты напеваешь чего-то, второй — допеваешься до чего-то, а на третий — становишься популярным.

Вот, например, в Америке, если ты три недели занимаешь высшие строчки хит-парада — все, ты уже звезда! А мне для этого потребовалось 30 лет. А ведь надо было на что-то жить. Другого-то я ничего делать не умею. Правда, у нас все по-другому и было. Одна хитовая песня в год, и ее целый год гоняли. Мы знали: если ты не в черном списке, тебя обязательно покажут по телевизору. Не было такого количества песен, как сейчас. Поэтому песни и запоминались. А сейчас, чтобы выделиться, надо быть мужиком в женском одеянии или женщиной в мужском обличье. Или чтоб был полненький среди худых, или очень худой среди толстых. Надо обязательно как-то выделяться. Как, например, диск оформлять? Смотрим — вокруг все беленькое, серенькое, черненькое. А мы сделаем красненькое!!! Но этим должны заниматься продюсеры.

— Как думаете, что для ребят на «Фабрике» самое сложное?

— «Фабрика звезд» — это сжатая модель целой жизни, ну пусть не жизни, так нескольких лет точно. Тут ты проживаешь за три месяца то, что можно прожить за три года. Ты все время под наблюдением. Ты все время под обсуждением. Кому-то ты нравишься, кто-то тебя терпеть не может. Где-то ты преуспел, где-то ты провалился. Вот ты с кем-то дерешься, вот ты ругаешься. А тебя при этом все время обсуждают. Вот тебя выгнали отсюда к чертовой матери! Так что «Фабрика» — это, конечно, сильнейшая моральная закалка. И самое сложное здесь — остаться человеком. Себя преодолевать, когда чувствуешь, что тебе тяжело. Но когда есть цель, тогда и на преодоление силы берутся. Берешь себя в руки — и вперед! И так всю жизнь, не только на «Фабрике».

— Что еще для них тяжело — так это ждать песню. Я сама знаю, как ужасно это ожидание. Продюсеры же не могут разорваться и на всех сразу хиты найти! Хотя что-нибудь бы найти! А хиты — они впереди! Сначала продюсеры хотят посмотреть, на кого они свои силы тратить-то будут. Ну отдадут они шедевр «Фабриканту» Тютюкину. Тютюкин ушел — и шедевр ушел. А они же ценят свои творческие силы, свой потенциал. Присматриваются, думают. «Вот этот мальчик мне нравится, ладно, в него я вложу свои 5 копеек. А этот мальчик не нравится, в него не буду вкладывать». И Алла Борисовна бежит, задрав штаны, и ищет того, кому мальчик может понравиться. Искать песню всегда было сложно и будет сложно всегда!

— Любим певцам?

— Есть три типа певцов: иллюстраторы песни; создатели — они вместе с авторами создают песню — и певец, который плевал на создателей песни и делает песню такую, как ему хочется и как ему надо.

— Вы, наверное, воспитываете певцов второго и третьего типов? — Нет, всех трех типов. Каждый из них очень уместен и нужен. Без иллюстраторов тоже нельзя. Например, приносит композитор песню певцу, которую он хорошо знает. Она поет то, что ей написали. Но песня-то совпадает с ее ощущениями. Тут, слава богу, ничего и менять не надо. Наоборот, это счастье. Раймонд Паулс написал музыку. Илья Резник, зная меня, написал слова. И я просто пою эту песню.

— Так вы себя к какому типу относите? — Я и первое, и второе, и третье. У меня все сразу. Вы про меня не спрашивайте. Я вообще урод, чучело, какое-то непонятное явление. Сама себе удивляюсь, зачем я вообще по сцене прыгаю. Каждый год говорю себе: «Смон! Все! Хватит!» У меня даже есть название готовое для программы — «Последний раз ныряю». Ну никак уйти не могу. Может, в следующем году... А то сколько уже можно? Сколько можно следить за собой — то не есть, это не пить? Хочу быть толстой и красивой женщиной! Счастливой и беззаботной! Ни о чем не думать! А то это чувство ответственности меня постоянно мучает! Ответственности перед зрителями, перед музыкантами, перед композиторами, перед телезрителями. А теперь еще и перед «фабрикантами»...

создателей песни и делает песню такую, как ему хочется и как ему надо.

— Вы, наверное, воспитываете певцов второго и третьего типов?

— Нет, всех трех типов. Каждый из них очень уместен и нужен.

Без иллюстраторов тоже нельзя. Например, приносит композитор песню певцу, которую он хорошо знает. Она поет то, что ей написали. Но песня-то совпадает с ее ощущениями. Тут, слава богу, ничего и менять не надо. Наоборот, это счастье. Раймонд Паулс написал музыку. Илья Резник, зная меня, написал слова. И я просто пою эту песню.

— Так вы себя к какому типу относите?

— Я и первое, и второе, и третье. У меня все сразу. Вы про меня не спрашивайте. Я вообще урод, чучело, какое-то непонятное явление. Сама себе удивляюсь, зачем я вообще по сцене прыгаю. Каждый год говорю себе: «Смон! Все! Хватит!» У меня даже есть название готовое для программы — «Последний раз ныряю». Ну никак уйти не могу. Может, в следующем году... А то сколько уже можно? Сколько можно следить за собой — то не есть, это не пить? Хочу быть толстой и красивой женщиной! Счастливой и беззаботной! Ни о чем не думать! А то это чувство ответственности меня постоянно мучает! Ответственности перед зрителями, перед музыкантами, перед композиторами, перед телезрителями. А теперь еще и перед «фабрикантами»...

— Сильно здесь устаете?

— Это ужас! Я никогда не думала, что буду звездой. Выращивать. Умные люди мне говорят: «*Ты сошла с ума! Ведь это же просто игра! Телевизионный проект. Пусть ребята скажут спасибо, что их вообще показывают, что хоть одну песню они спели в эфире.*» А я, когда сюда шла, думала,

что здесь не игра делается, а судьба! Если бы каждому участнику объяснили перед «Фабрикой звезд»: «*Ребята, мы тут с вами играем в «звезд». Мы играем, что вы ни черта не умеете, а через три месяца вы всемо вдруг научились.*» Но ведь для них-то все всерьез, и значит, это не игра. Они пришли, естественно, не без таланта. А уйдут отсюда уже с неким направлением в жизни. «Фабрика» — это такая путевка в жизнь. Знаете, есть медосмотр перед армией. А здесь они прошли осмотр творческий перед вступлением в шоу-бизнес, далеко не чистый. Они должны быть готовы ко всему морально, нравственно. Не знаю, как выпускники других «Фабрик», но в этих я уверена. У них в голове все нормально. Они не психанут, не набьют морду администратору, не сядут за это в тюрьму. В желтых газетах, конечно, напишут, что этот побил кого-то, а эта на столе голая плясала, а этот спит с этим... Но они уже и это спокойно выдержат, что наврут в газетах. Главное, чтобы вся эта мишура не мешала творчеству. А репетировать с каждым из них в отдельности мне уже не нужно. Зачем? Этот — вокалист шикарный (показывает на Мишу). Эта — вокалистка шикарная (Наташа). Этот у нас — обаяшка, философ (Руслан). У каждого есть что-то свое.

Открыть бы «Фабрику» для композиторов

— А чему вы научились у «фабрикантов»?

— Я у них научилась при любом свете более-менее нормально выглядеть. Здесь такой свет, что хорошо получаются только люди их возраста. Все остальные в этом доме на экране выглядят уродами. Я сюда первый раз пришла, когда только из больницы выписалась. Бы-

■ С дочерью и внуками Дáni и Никитой. 1999 г.

ИТАР-ТАСС

28.12.04

Пугачёва Алла Борисовна

23

Пугачева: сплошная «Фабрика»

■ Так начиналась «Фабрика звезд» Аллы Пугачевой

ла в таком невменяемом состоянии, просила ребят, чтобы они этого не замечали. А когда увидела себя на экране, мне стало дурно. Да еще мне мои знакомые сказали: «Кто-то вместо тебя на «Фабрику» ходит. Вот такое рыло, вся такая опухшая...» Я думаю: «Какой кошмар!» Словом, при этом ярком свете очень тяжело быть красивой.

(Звучит голос из аппаратуры: «Алла Борисовна, вы сегодня выглядите шикарно!»)

Спасибо. Это потому, что выпалась. Суббота и воскресенье – мои выходные дни. В будни я постоянно на «Фабрике». Даже собаки мои удивляются. Смотрят на меня, а я, как полоумная, дохожу до дивана, включаю телевизор и сплю. Потом просыпаюсь, они сразу на меня прыгают. Встану, поем, снова посмотрю телевизор и опять сплю. Так что суббота и воскресенье – это счастье. Потому что камеры, нацеленные на тебя, – это вампиризм.

– А сколько часов в сутки вы проводите с «Фабрикантами»?

– Свое пребывание на первом этаже «звездного дома», где обитают «фабриканты», стараюсь ограничивать. Как правило, большую часть времени провожу наверху, в своем кабинете. Там, кроме того, что я наблюдаю за ребятами по мониторам, мне еще нужно программу отобрать, устаканить, прослушать песни, которые принесут артисты, чтобы сделать пятничный концерт. И прослушать те записи, которые приносят начинающие композиторы и маститые композиторы. От этого так голова пухнет...

– Значит, все песни продают через вас? Или Матвиенко с Фадеевым помогают?

– Матвиенко с Фадеевым только в студии сидят и отбором песен не занимаются. Хотя я сразу сказала: «Я не продюсер. Я – художественный руководитель». Но теперь получается, что я еще и продюсер. Как сказал Матви-

строить «Фабрику звезд» композиторов. Чтобы они там писали песни и оттуда передавали их сюда. Хотя полгода нужно за певцом наблюдать, чтобы понять его индивидуальность и решить, какую песню ему надо.

«У меня на гастролях в Германии один раз голос сел: не могу петь, силлю еле-еле. А отменить концерт невозможно. Так мне организаторы говорят: «Давайте ваши фонограммы поставим». А где я их возьму? У меня их просто нету! Не пою я под фонограммы. Тогда нашли какие-то диски мои, пластинки. Но те песни, что на дисках, я обычно не пою на концертах. Фонограмма звучит, а слова не помню, не знаю, где надо рот открыть. Я на зрителей так смотрела, в глаза каждому, чуть не гипнотизировала! Весь концерт пела глазами. Это было первый и последний раз в жизни. Боже, как я устала! Нет, не понимаю я певцов-фанерщиков. Как можно одну и ту же песню петь одинаково?»

енко: «Продюсеры кончили, а Пугачева – одна».

– Когда «Фабрика» закончится, вы продолжите с кем-то из ребят работать индивидуально?

– Может быть. Но это надо еще законы посмотреть, потому что у них же контракты подписаны. Могу я кого-то взять, контракт переделать? Надо подумать. Я всех-то не потяну, но одного-двух можно... Это самая лучшая школа – когда он рядом с тобой едет и поет, и все тогда видно: что он сделал правильно, что неправильно. Это уже практика.

– Чему «фабрикантам» еще предстоит научиться?

– Умению подать песню. Этому сразу не научишься. Этому жизнь научит. Практика нужна. Хотя у нас есть мастер подачи песни – Саша Балакирева. Но теперь дайте ей песню, которую она могла бы подать. Я все про то же. Набрали талантливых людей, а где песни для них брать? Рядом надо было по-

За себя я просила только однажды

– Как вы видите будущее ребят?

– Я о будущем никогда не думаю. Для меня будущее – это конец сегодняшнего дня. Думай о нынешнем дне, чтобы сегодня было хорошо. Чтобы ты ложился спать с чистой совестью – и по-человечески, и творчески. Далеко загадывать не люблю. Будущее ребят – это их старость. Надо все в молодости успеть сделать. Чтобы было не стыдно за бесцельно прожитые годы! Люблю это выражение. А еще у Булгакова люблю: «Никогда не проси у тех, кто сильнее тебя. Сами придут и сами дадут!» Это очень правильные слова. Правда, жизнь меняется. Это высказывание сегодня верно на 75 процентов. Остается еще 25. Когда не попросишь – и не дадут. И будешь сидеть как в калоше. Так что совет Булгакова тем, кто сегодня начинает жить, я дать не могу. А в своей жизни, да,

я ему следовала. Я всего один раз попросила у тех, кто сильнее. И мне не дали. С тех пор не прошу.

– А что это было? Что вам не дали?

– Дачу. Не дали, испугались: а вдруг и другие без очереди захотят. А я уже была звездой. Потом, да и до этого, я если и просила, то только за других. За других всегда получалось лучше. За других легче просить. Помню, пришла в один банк денег просить на «Рождественские встречи». Со мной рядом был Укупник. Я сказала: «Не могли бы вы нам помочь, оказать спонсорскую помощь, а то нам денег не хватает?» Этот банкир засмеялся: «Алла Борисовна, это у вас-то нет денег?» Вся страна была уверена, что я всегда в шоколаде. Я видела: человек мне просто не верит. Тогда я тут же все перевернула: «Нет, нет, я не для себя. Это для

Аркаши». Но тот банкир и Аркаше денег не дал.

– Интересно, а сколько нужно денег, чтобы поставить одну песню?

– Давайте посчитаем. Платим одну тысячу долларов автору слов, одну тысячу – композитору. Это минимум, по большой дружбе. А максимум – тысяча по 30–50. Аранжировка хорошая – колеблется от тысячи до полутора тысяч. Съемка клипа? Полтешок вынь да положь. Одеться надо самому, коллектив своей одеть. На ротацию деньги прибавь, чтоб тебя гонили по радио. Минимум надо иметь 130–150 тысяч долларов. А если у тебя еще и балет свой – так и двести.

– А те песни, что здесь ребята поют, композиторы им за деньги пишут или по дружбе?

– С нашими продюсерами, конечно, все по-дружески. Но зато потом композиторы и поэты с тура получают авторские отчисления, если их песни будут исполняться. А вот мне, чтобы добыть ребятам песню, приходится выкладывать денежки прямо сейчас. И ничего с этого потом не иметь, честно говоря. Так что попала я на этой «Фабрике»! Круто так попала! 25 тысяч долларов уже истратила.

– Надеетесь, что потом отобьетесь?

– Нет, не надеюсь (смеется). Но мне не жалко. Главное, что деньги у меня есть. Как-то приятно это осознавать. Я ж не буду ходить и бурчать: «Я на тебя истратила столько-то и столько-то! Отдавай мне мои деньги!» Ха-ха! С кого мне спрашивать? С него? (Показывает на Руслана.) Нет. Мне приятно, что я достигла такого уровня, что у меня эти деньги были. И я их истратила. Еще заработаем.

– На хороших людей денег не жалко, да?

– Я не смотрю – хорошие они или плохие. Я смотрю, какие они певцы. Как говорила Раневская: «Дурак дураком. Но талантлив!»

Каждому – своя чашка

– Чем вы сейчас еще успеваете заниматься, кроме «Фабрики»?

– Успеваю внуков повидавать, на студию съездить, с коллегами пообщаться. Кого с днем рождения поздравить, кого похоронить... Жизнь такая у меня сейчас... Ну что мы так сидим, пойдемте чай пить!

(Мы пересаживаемся за стол. Ребята суетятся на кухне, ставят чайник, режут пирог.)

– Ой, а чашки-то у вас грязные! Что ж вы их не моете! Мух развели, вон над сахарницей летает!

– Алла Борисовна, эта муха стерильная, домашняя, – шутит Миша. – Она же отсюда не вылетает и ни с кем не спаривается.

– Мой папа Борис Михайлович, царство ему небесное, был невероятно брезгливый человек. У него дома были своя чашка, своя ложка, свое блюдо. И он никому не разрешал к ним прикасаться.

– А вам это качество передалось?

– Да немножко есть. Я смотрю вот – муха ползает по сахару. Все! Мне уже этот сахар есть не хочется. Придется чай пить несладкий. У-у, иди отсюда (муха улетает). Ну вот, кайф мухе сломали (смеется).

(Мы едим пирог. Все, кроме Пугачевой.)

– Алла Борисовна, а вы что, на диете?

– Нет, у меня пост. Да и не хочу я. Мне не до пирогов.

Пила чай с Примадонной
Ольга СЕМЕНОВА

Александр Мостовой:

– «Фабрику звезд» нельзя не заметить – так много сейчас ее на телевидении. Последняя, пятая «Фабрика», которой руководит Алла Пугачева, мне особенно интересна. Великая певица проявила себя и как педагог, любознательно наблюдать за ее уроками. Правда, молодые участники все как будто на одно лицо, я их плохо различаю.

АТМОСфера для жизни

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ВОЗДУХООЧИСТИТЕЛЬ-ИОНИЗАТОР

По данным экспертов Всемирной Организации Здравоохранения, воздух в помещениях грязней и токсичнее наружного в 6–8 раз. А ведь именно в помещениях мы проводим около 80% времени и оказываемся в плену у неблагоприятной воздушной среды. Исправить ситуацию поможет универсальный воздухоочиститель-ионизатор «АТМОС» – самый популярный прибор в своем классе. Это удивительно – «АТМОС» имеет лучшие показатели по критерию «цена-качество». Основное преимущество прибора – возможность применения как дома (прибор очищает воздух от вредных частиц, бактерий, вирусов, аллергенов, табачного дыма), так и в салоне автомобиля (удаляет неприятные запахи, пыль и копоть с дорог). «АТМОС» также имеет функцию одновременной ионизации, что благотворно влияет на здоровье, снижает утомляемость и улучшает общий иммунитет организма. Кроме этого, возможна дополнительная ароматизация воздуха. «АТМОС» выгодно отличается современным дизайном, высокой степенью надежности и качеством. Возможность круглосуточной эксплуатации, два режима работы, минимальные энергозатраты, различная цветовая гамма, бесшумность и эффективность. Срок службы прибора – 10 лет. Габаритные размеры 200X124X73 мм. Товар сертифицирован.

1390 руб.

140-8574	м. Сокольники
253-7800	м. Белорусская
974-3522, 974-3525	м. ВДНХ
390-1465	м. Домодедовская
105-1133	м. Китай-город
137-6001	м. Ленинский пр-т
953-7312	м. Новокузнецкая
775-4426	м. Павелецкая
962-1255	м. Преображен. пл.
104-8244	м. Пражская
505-2589	м. Пролетарская
429-0183	м. Профсоюзная
964-9506	м. Сокольники
234-3200	м. Сухаревская
796-9531	м. Тульская
379-4233	д. 116 м. Рязан. пр-т
545-7466	м. ул. 1905 г.
748-7555	Оптовый отдел

140-8574, 159-3262, 964-5409
бесплатная доставка по Москве

www.atmostech.ru